

— Когда твоя дочь родит ребенка, ты сможешь забрать их обоих обратно. К тому времени сделанного не воротишь, и даже если старший брат и мать захотят отказаться, они уже не смогут этого сделать. Тем более, что над ними еще есть Старая госпожа и Князь. Матушка Минь просто должна выбрать день, когда мать не сможет передумать, и твоя дочь наверняка сохранит и жизнь, и ребенка. Как тебе такое предложение?

Матушка Минь не знала, о чем он думает, но ситуация достигла точки, когда нужно было действовать, и ей оставалось только рискнуть:

— Эта рабыня... благодарит Четвертого молодого господина.

— Ты мне доверяешь, и это хорошо.

Гу Чжису, увидев, что она приняла решение, с легкой удовлетворенностью в глазах тихо приказал:

— Возвращайся и поскорее приведи свою дочь. Не затягивай, иначе, если ее живот станет слишком заметным, я уже не смогу вывести ее из усадьбы.

— Слушаюсь, Четвертый молодой господин.

На следующее утро после того, как Мэй-эр, переодетую в Цинхуань, вывели из усадьбы, Гу Хайтан из Двора Яюнь все еще не подавала признаков пробуждения. Гу Чжису не стал утруждать себя выяснением, действительно ли она в обмороке или притворяется, и, когда снова наступил вечер, заранее отправил Цинхуань и братьев Вэй Сяня отдыхать, а сам уселся за стол, готовя бумагу и тушь, чтобы нарисовать новые эскизы для чернильниц и кистей.

Он рисовал до глубокой ночи, наконец остановившись, чтобы выдохнуть и отложить кисть. Достав вчерашние наброски, он начал их перебирать, когда пламя свечи рядом с ним внезапно заколебалось. Он тут же поднял руку, чтобы защитить слабый огонек, но было уже поздно — свеча внезапно погасла, оставив в темноте только лунный свет, проникающий через окно, и тонкую струйку дыма от потухшего фитиля.

Глядя на погасшую свечу, он наклонился, чтобы взять огниво, как вдруг услышал тихий смех. Рука протянулась из-за его спины, резко схватив его запястье, а другая рука спокойно взяла со стола эскизы, которые он только что рассматривал.

— Такие узоры я раньше не видел. Это эскизы, которые ты сделал для той студии каллиграфии?

Услышав, что он упомянул студию, Гу Чжису понял, что Синь Юаньань уже узнал о том, что он отдал ее ради доли прибыли. Это его не особо беспокоило, но он почувствовал, что визит вчера и сегодня был несколько неуместным.

Он невольно вспомнил, что в прошлой жизни в это время Синь Юаньань был в немилости у императора, и слегка нахмурился, игнорируя легкое тепло в груди и не глядя на выражение лица собеседника. Он выхватил эскизы из его рук, прижал их пресс-папье и, слегка повернувшись, уставился на красивое лицо с улыбкой, но с темными глазами.

— Вчера ты уже приходил. Зачем ты снова здесь сегодня?

— Разве я не могу прийти?

Синь Юаньань, который провел весь день, невольно вспоминая лицо Гу Чжису, бледное и спокойное, как цветок груши, в темноте, теперь снова увидел это лицо. Услышав от подчиненных, что сегодня на него было совершено покушение, его взгляд стал еще мрачнее, а голос — ниже, чем обычно.

— Я слышал, что сегодня произошел инцидент. В Покоях принцев все спокойно, поэтому я пришел проведать тебя.

Гу Чжису уловил в его словах скрытую заботу, и в его сердце снова возникло тепло. Он опустил голову, невольно вспоминая прошлую жизнь, когда тот часто сидел у его кровати в темноте, боясь, что его раны усугубятся или он начнет думать о плохом. А когда он внезапно проснулся и видел, что тот полусонный сторожит его, его сердце успокаивалось.

Вспомнив это, он невольно понизил голос и тихо ответил:

— Со мной все в порядке.

Синь Юаньань, услышав его ответ, пристально посмотрел на него, вспоминая, что ему доложили днем, и то, как бы он поступил, если бы это случилось с ним — одна мысль об этом разожгла в нем ярость, и он едва сдержался, чтобы не раздавить тех, кто это сделал. Но, глядя на спокойное лицо Гу Чжису, освещенное лунным светом, он постепенно расслабился, поднял руку, чтобы коснуться его бледной щеки, и, когда его пальцы коснулись мягкой, холодной кожи, в его сердце вспыхнуло тепло. Он приблизился и тихо прошептал:

— Хорошо, что ты в порядке.

Гу Чжису, почувствовав его приближение, хотя запах был знакомым, невольно хотел отстраниться, а на его лице появился легкий румянец. Когда он обернулся, его взгляд встретился с темно-синим, и он на мгновение замер, прежде чем очнуться, подавив тепло в груди и сжав губы, повернулся и жестко сказал:

— Какое мне дело до Его Высочества принца?

Синь Юаньань, видя, как он приближается, и замечая, как на бледном лице Гу Чжису появляется легкий румянец, отчего его лицо в лунном свете становится еще прекраснее, невольно прищурился. Его темно-синие глаза стали глубже, он поднял руку и притянул к себе человека, который был так близко, крепко схватив его за подбородок:

— Повтори еще раз.

Гу Чжису, крепко обнятый им, почти не мог вырваться, глядя на лицо, которое было так близко, что он почти чувствовал легкий аромат грушевого цветка, исходящий от него. Воспоминания из прошлой и нынешней жизни пронеслись перед его глазами, заставив его сердце согреться и сжаться одновременно. Его черные, как яшма, глаза на мгновение затуманились:

— Я...

Увидев глаза, словно наполненные лунным светом, отражающие его собственный образ, темно-синие зрачки стали еще глубже, и тонкие губы медленно опустились, пока между ними не осталось всего палец. Он вдруг тихо усмехнулся и, понизив голос, произнес:

— Я пришел проведать тебя с добрыми намерениями, а ты так отвечаешь. У тебя

действительно смелость...

Не закончив фразу, он резко наклонился и укусил Гу Чжису за губу.

Гу Чжису не ожидал, что он вдруг укусит, от боли вздрогнул и попытался вырваться, но, прежде чем он успел пошевелиться, тот сжал его за талию, и он невольно обмяк. В темноте раздались звуки поцелуя, словно кто-то жадно глотал что-то, перемежающиеся с тихими стонами.

— Хватит...

Шорох, казалось, раздался прямо у него в ушах, заставив его лицо покраснеть в темноте. После долгой борьбы тот наконец отпустил его, и Гу Чжису, вытирая губы, отступил на несколько шагов, тяжело дыша, и, опершись на стол, сложно посмотрел на него, стиснув зубы:

— Синь Юаньань! Ты что, собака? Только и знаешь, что кусать!

Гу Чжису чувствовал, что во рту у него кровь, язык онемел, а губы были разбиты в нескольких местах, и, говоря это, он невольно задумался, был ли тот человек из его воспоминаний, сильный, но нежный, всегда действующий по его желанию, изредка целующий его в лоб или щеку с осторожностью, реальным или всего лишь сном.

Лунный свет из окна очертил контур человека, прислонившегося к столу, а тот, кто получил свое удовольствие, с удовлетворением провел большим пальцем по следу крови на своих губах, лизнул рану, оставленную укусом, и, положив руки на стол, почти обнял его, шепнув на ухо:

— Видишь, если кто-то увидит тебя в таком виде, даже если в прошлый раз тебя не заметили, на этот раз никто не поверит, что это не свидание.

Не дав Гу Чжису ничего сказать, он указал на рану на своих губах, с улыбкой в глазах:

— И еще, ты уже воспользовался мной, так что не смей бросать меня.

«Кто кем воспользовался?!»

Гу Чжису, с тех пор как возродился, впервые столкнулся с такой наглостью, что даже не мог вымолвить ни слова, едва не рассмеявшись от злости.

Синь Чаньань мог так уверенно сказать это, вероятно, с самого начала планировал, что если его обнаружат, то использует это как оправдание. В прошлой жизни он так и не понял, насколько тот был наглым, а в этой жизни столкнулся с этим с первой встречи. Неужели это было наказанием за то, как он плохо обращался с ним в прошлой жизни?

Три тысячи слов, прошу веточек~~~

<http://bllate.org/book/16652/1525725>